

«Я ДЛЯ ЛЮДЕЙ, А НЕ ЛЮДИ ДЛЯ МЕНЯ» К 100-ЛЕТИЮ В.П. ЭФРОИМСОНА

Е.А. Кешман

Профессор Владимир Павлович Эфроимсон (1908–1989) – один из крупнейших отечественных генетиков, ученик Н.К. Кольцова, вошедший в плеяду «генетиков-первопризывников», на плечи которых легло тяжелое бремя борьбы с лысенковщиной. В.П. Эфроимсону принадлежит открытие формулы частоты мутирования генов у человека (1932 г.). Он – крупнейший специалист по генетике и селекции тутового шелкопряда, которым были посвящены его кандидатская (1941 г.) и докторская (1947 г.) диссертации. Им написана первая отечественная монография по генетике человека «Введение в медицинскую генетику» (1964 г.), книга, положившая начало возрождению генетики человека в СССР. В.П. Эфроимсон – ветеран Великой Отечественной войны, с 1941 по 1945 гг. находился в рядах действующей армии, награжден боевыми орденами. В.П. Эфроимсон дважды подвергался репрессиям – в 1932 и в 1949 гг. Десять лет он провел в сталинских лагерях, почти четверть века был отлучен от науки. В.П. Эфроимсон – автор трех монографий, редактор многих книг по различным вопросам генетики. Им опубликовано более 100 научных статей. В историю отечественной науки В.П. Эфроимсон вошел не только как выдающийся ученый, но и как беззаветный борец за истину, непримиримый враг антинаучных течений в биологии, страстный защитник генетики, нравственный эталон настоящего ученого.

Владимир Павлович Эфроимсон родился в Москве 21 (8) ноября 1908 г. в знаменитом здании на Лубянке, ставшем после революции центральным, в котором после революции расположились органы государственной безопасности. Этот дом принадлежал Страховому обществу «Россия»,

членом правления которого был Павел Ефремович Эфроимсон. Зажиточная, интеллигентная еврейская семья, совершенно обрусевшая. Старший брат Абрам стал журналистом, работал в РОСТе, был одним из создателей программ новостей на советском телевидении. Дети воспитывались в обстановке открытого дома, в котором постоянно гостили многочисленные родственники и друзья родителей.

Вот одно из воспоминаний раннего детства: «В связи с общим либеральным настроением в квартире бывало много молодежи и людей постарше, самых различных политических взглядов. А среди них бродил, развесив уши, еврейский мальчуган с повышенным интересом к событиям, с глазами, лезущими на лоб от любопытства, и с ушами, по этой же причине растянутыми от пола до потолка, ежели дозволено такое приведение формы в соответствие с внутренним содержанием...»

Мальчуган, прочитав лет в 7–8 «Джунгли» Э. Синклера, стал (и остался) сложившимся социалистом. Может быть, поэтому у него лет

Родители. 1904 г.

Примечание. Текст с небольшими поправками приведен в авторской редакции.

Отец и брат Абрам.

на 70 засел в памяти ответ одного кадета какому-то эсеру: «Модель Абрамович Кроль, свойственник нашего хозяина, имеет с полмиллиона денег. Вместо того, чтобы тихо стричь ежегодно купонов тысяч на 25 рублей, он строит участок дороги, верст на 250 длиной и получает лишних 50 тысяч вашей прибавочной стоимости. Вся бухгалтерия хранится у него в голове да в перетертой записной книжке. Все управление постройки – его сын инженер, да кассир, да артельщик, и три десятника на сколько-то тысяч грабарей и рабочих. При социализме будет египетская пирамида, которая скушает не 50 тысяч, а целый миллион вашей прибавочной стоимости, а ремонта ваша железная дорога будет требовать чаще, чем капиталистическая».

Конечно, кавычки поставлены не вполне законно, так как мальчишка вспомнил лишь общий смысл, когда услышал, что управленческий аппарат в СССР насчитывает 18 миллионов человек»¹

Про родителей В.П. Эфроимсон впоследствии писал: «Мой отец... был человеком поразительной энергии, огромной пробивной силы, большого комбинаторного ума. Он был фондовиком – крупным банковским специалистом. Цепкий человек, напористый, привыкший молниеносно решать дела, бешено находчивый, но это его специальность: к нему приходили

люди – просили денег у банка в кредит... И он должен был, покуда человек от двери идет к столу, решить, стóит этот человек того или нет, порядочный человек или непорядочный...

Сам он был сыном местечкового духовного раввина (к сведению, духовный раввин – это существо значительно более нищее, чем церковная крыса). Конечно, отец кончил гимназию с медалью, но в Киевском университете оказался перебор «еврейцев» и отец поступил туда только благодаря ходатайству околместечкового помещика Ламсдорф-Галагана. Он закончил юридический факультет и впоследствии служил главным управляющим поместий того самого Бродского, который вошел в поговорку («Чай – Высоцкий, сахар – Бродский»).

Моя мать, Екатерина Марковна Кроль, была полной противоположностью ему – бесконечно скромная, бесконечно благородная, добрая, просто святая. Причем не только по отношению ко мне и моему брату, но и по отношению ко всем окружающим и даже неокружающим. Когда она работала в госпитале во время первой мировой войны, то в том же госпитале работали некоторые очень высокопоставленные дамы – чуть ли не фрейлины, по крайней мере многие из высокородных дворянских фамилий. Как-то мама услышала, что одна из них спрашивает другую: «Что это за еврейка?» – «Это та самая Эфроимсон, которую иначе чем ангел не называют»².

Воспитанный в либеральной атмосфере семьи, Володя с ранних лет тонко чувствовал то, что можно назвать «социальной несправедливостью». Его мама прививала детям высокие понятия о благородстве и о человеческом достоинстве... Слова Екатерины Марковны В.П. Эфроимсон вспоминал через много десятков лет: «Вот когда ты вырастешь, станешь инженером, доктором, адвокатом, ты должен будешь помнить, что все бедные вокруг тебя вовсе не потому бедные, что злые, или глупые, а потому, что у их родителей не было денег их одеть и дать им образование. Ты должен будешь им помогать все время, сколько сможешь. Запомни это на всю жизнь!»³. И мальчик запомнил. Перескажи-

² Интервью В.П. Эфроимсона // Эфроимсон В.П. Гениальность и генетика. М.: Русский мир, 1998. С. 468.

³ Письмо В.П. Эфроимсона Е.Г. Макаровой (рецензия на ее книгу «Освободите слона»). Написано весной 1988 г. Хранится в архиве Е.Макаровой.

¹ Рукопись. Хранится в архиве Е.А. Кешман.

вая через всю его биографию, нужно отметить, что и последними его книгами, опубликованными уже после смерти, были книги об этике, воспитании, путях решения «неисчислимых проблем, с которыми сталкивается современное человечество».

Владимир Павлович был на редкость одаренным человеком. У него была не просто «приличная зрительная память», как он говорил, – память была феноменальной. Он читал на всех европейских языках, говорил на немецком, как на русском языке. Прекрасно знал английский, польский, итальянский языки. Читал «по диагонали», запоминая все и надолго. Ориентировался в каталогах «Ленинки» безупречно. Реферировал молниеносно. Схватывал мысль на лету и тут же начинал «генерировать идеи». Понимал и оценивал мысль сверхостро. Тут же находил связи и выходы на иные направления, тут же ставил десятки вопросов, которые рождались в его огромной голове в связи со сказанным... В этом человеке рождалось столько умных и значимых идей, что хватило бы на работу нескольких институтов... И делился он своими идеями безоглядно...

«Я очень рано прошел тестирование, выявившее у меня очень слабую слуховую память при относительно приличной зрительной. Я понял, что мне надо все постигать зрением. Я очень рано и очень много стал заниматься сам. Так как я ничего не воспринимал на слух, то я решил как можно скорее “разделаться” со школой. Два раза “прыгал” через класс. Кончил в пятнадцать с половиной лет (не кончил на год раньше, потому что запретил отец). Но зато в последние годы в школе я чрезвычайно много “болел” самыми различными болезнями, благо у меня было много родственников-врачей, которые мне писали справки о “болезнях”. Тогда система надзора не была доведена до высокой степени совершенства и никто не знал, что во время этих “тяжелых заболеваний” ежедневно с утра до самого вечера я просиживал в Ленинской (тогда еще Румянцевской) библиотеке, до абсолютного безумия увлекаясь историей.

Что касается моих школьных занятий, то ими ни преподаватели, ни родители почти не интересовались, чему я был очень рад, довольствуясь тройками и сплошь и рядом пропуская очень хорошие уроки, которые в “Питер-Пауль

шуле” вели очень хорошие учителя. В результате, окончив школу, я еще год просидел в Ленинке, а затем поступил в университет, не добравши нескольких месяцев до семнадцати лет. Мои интересы распространялись в самых разных направлениях. Но я знал, что языки я в любом случае знать буду, историю знать буду (к тому времени я знал на память, наизусть пару сотен страниц из “Истории” Шиллера, сотню страниц из Моммзена и Бог знает сколько страниц из других первоисточников). А вот биологию я без университета знать не буду, что и определило мое поступление на биологическое отделение физмата, где я себе два года не находил места, покуда не втюрился безоглядно в генетику»⁴.

Начиналось все замечательно. Поступив на физико-математическое отделение Московского университета, Владимир Павлович начал заниматься генетикой на кафедре Н.К. Кольцова.

«Пожалуй, на первое место среди всех моих учителей, – писал В.П. Эфроимсон, – надо поставить Николая Константиновича Кольцова. Когда меня недавно неожиданно спросили, в чем секрет Кольцова, я даже не сразу смог сообразить – о каком секрете идет речь. На мой недоуменный вопрос мне ответили: «У Кольцова был такой маленький институт – и такое множество прекрасных ученых работало с ним!»

И я невольно впервые задумался, в чем же дело: все такие разные, а в чем-то на одно лицо. И вспомнил:

*«За творчество, за мужество,
За весь Кольцовский стан,
За крепкое содружество
Генетиков всех стран.»*⁵

В.П. Эфроимсон отработывал «Большой практикум» по зоологии, детище Кольцова, на котором учителя «умело отделявали нас и шлифовали из нас научных работников – ученых»⁶.

Из воспоминаний В.П. Эфроимсона: «На Большой практикум приходили, бросали портфели, пальто, а уже отсюда уходили вершить другие свои студенческие дела. Царила полная свобода, никто ни с кого ничего не спрашивал, не выставял оценок, а работали озверело.

⁴ Интервью... С. 469.

⁵ Письмо Татьяне Львовне Ферри, 20 октября 1988 г. В архиве Е.А. Кешман.

⁶ Там же.

С полгода мы изучали парамецию, в хвост и в гриву...

Кольцов как-то совершенно неназойливо, без всяких фраз, как нечто само собой разумеющееся, довел до нас, что в мире есть одна в высшей степени стоящая вещь – наука, и что другой такой ценности нет и быть не может. Между прочим, Николай Константинович всегда устанавливал между собой и своими сотрудниками какую-то незримую грань, солидное пространство, полное отсутствие интимности. Было бы совершенно немислимым услышать от него какие-то высокие слова. Но то, что исследовательская наука – самое высокое в жизни, это разумелось само собой. Может быть, в этом и был его секрет?

Он поразительно умел разжигать в нас дух творчества, догадливости, экспериментирования, поисков решений. Ассоциативная память у него была колоссальной, он умел молниеносно протянуть связь от одного явления к другому, очень далекому.

Один из «приемов» (хотя именно что не «приемов», а совершенно естественно) заключался в том, что он рано утром, заполучив все свежие иностранные журналы в свой кабинет (штук 40–50 ежедневно), все просматривал и в каждый журнал закладывал листик: что кому прочитать. Днем он заходил в лабораторию (дрозофильную) и спрашивал, что нового в перемеченных статьях. Три–четыре сотрудника сменяли друг друга на кушетке рядом с ним, он спрашивал и об отмеченных статьях, и о том, что нового дает эксперимент за последние день–два (он обходил так за день половину лабораторий института). Вероятно, были случаи, когда оказывалось, что кто-нибудь не успел прочесть, да и в опытах ничего интересного не обнаруживалось. Тогда Н.К. Кольцов поднимал какой-нибудь теоретический вопрос. Ну, при таком ведении дела очень трудно было бездельничать или плевать в потолок. Да и некому было: ведь зарплата ученым шла низкая, и на научную работу шли беззаветники.

Огромную роль в моей научной судьбе сыграл Григорий Иосифович Роскин. Хорошо помню, как щенком я получил от Роскина задание отреферировать одну работу по модным тогда ядерно-плазменным соотношениям. Я прочитал не только эту работу, но и полсотни смежных и

сделал доклад, внешне, может быть, и хороший. Но Роскин задал мне деликатно один вопрос, из которого я уразумел, что внутренней связи между всеми десятками работ я не обнаружил. На свое счастье я понял, что я – дурак, и что я ничего не понимаю. Тогда же я понял, что соображать тоже нужно учиться.

А уж думать и соображать я научился на семинаре у Михаила Михайловича Завадовского – «Мих-Миха». Можно было завалить десять зачетов, иметь невероятные хвосты, но студент «котировался» по одному-единственному показателю: сумел ли он задать хотя бы один вопрос на семинаре у Мих-Миха.

Впоследствии я начал работать в лаборатории Завадовского с дрозософилами, просиживал там целыми днями и вечерами (мне совсем не хотелось общаться с другими генетиками, дабы не компрометировать их «скандальными» делами своего отца – повторю, ведь мы были идиотами!)... Но вот однажды вечером, часов в десять, Мих-Мих, проходя к себе в кабинет, бросил: «Эфроимсон бьет все рекорды упорства». Слова Завадовского меня порадовали больше, чем впоследствии на фронте Орден Красной Звезды, который я случайно получил среди первых шести орденосцев дивизии.

Четвериков сыграл в моей жизни огромную роль. Я ведь, в сущности, никогда не был его учеником, даже не слушал его лекций. Четверикова обвиняли чуть ли не в троцкизме. Тогда в университете шла какая-то борьба между линией ЦК и Троцким. Но, честно говоря, я даже под страхом смертной казни никогда не смог бы сказать, что такое троцкизм. Зато мы все хорошо знали, что будущее эволюционной генетики заключено в статье Четверикова, установившей основы этой науки, и в нескольких строчках примечания Сергея Сергеевича к нашумевшей тогда статье Альфреда Стертеванта, открывавших путь к пониманию возникновения новых генов. Такие ученые, как Четвериков, рождаются раз в сто лет»⁷.

В 1929 г. В.П. Эфроимсона исключили из университета. Формально – за неуплату членских взносов. Фактически – за то, что двадцатилетний студент был единственным, кто выступил на университетском собрании в

⁷ Там же.

защиту профессора Четверикова, которого «за сочувствие меньшевикам и малую эффективность научных работ» выгоняли из МГУ.

Вот, что писал ему спустя более чем 30 лет С.С. Четвериков: «Это правда, что Вы и во времена студенчества, и позднее всегда стояли для меня как-то несколько в стороне от ядра моих друзей и учеников. Вы даже официально не были «зарегистрированы» среди них, хотя я всегда считал Вас одним из самых мне близких и дорогих учеников. А Ваше всегда открытое и честное отстаивание своих взглядов глубоко меня всегда трогало и радовало. И вот я, семидесятилетний слепой старик, крепко Вас обнимаю и от всего сердца говорю Вам – спасибо...»⁸.

Изгнанный из университета Владимир Павлович начал работать сначала в Московском зоопарке, в Рентгеновском институте, а затем уехал в Тбилиси в Институт шелководства. Он начал заниматься проблемами влияния рентгеновских лучей на наследственность. За три года он написал 10 научных статей – о влиянии температуры на трансгенационный процесс, об обнаружении нового гена в Y-хромосоме у дрозофилы, трансмутирующем действии рентгеновских лучей, проблемах генетической эволюции, кинетике фототропизма у дрозофилы, влиянии температуры на мутационный процесс, влиянии некоторых генов на жизнеспособность тутового шелкопряда, воздействии внешних факторов на соотношение полов у шелкопряда. Из Грузии он писал отцу: «Есть возможность в один год разрешить проблемы шелководства, которые нельзя было прежде разрешить за 20–30 лет. В последнее время удалось придумать совершенно новый и чрезвычайно многообещающий метод селекции. И странно – я чувствую, что мой творческий путь следует начертаниям партии... Ты понимаешь? Ведь я ультра-кабинетник, кабинетник до мозга костей, и вдруг... но я чувствую, что это органично, не вдруг, не по принуждению и не от испуга, потому что я осознаю, что именно так и необходимо, и правильно, и продуктивнее всего»⁹...

О ценности работ молодого ученого Н.К. Кольцов писал, пытаясь восстановить В.П. Эф-

роимсона в университете: «Бывший студент физмата 1 МГУ В. Эфроимсон работал во время пребывания в университете в лаборатории экспериментальной зоологии и показал себя очень дельным и способным научным работником. В 1929 г. он был исключен за невзнос платежа из 1 МГУ, но продолжал научную работу по генетике в Рентгеновском институте, и мне пришлось следить за этой работой. Результаты ее вылились в несколько подготовленных к печати исследований, три из которых были представлены мне на просмотр.

Основные работы – вызывание (или ускорение) процесса возникновения мутаций под влиянием рентгеновских лучей. Благодаря прекрасной обстановке, в которой велись эти работы в Рентгеновском институте НКЗ, Эфроимсону удалось поставить экспериментальную проблему на прочную основу количественного учета числа получаемых у дрозофилы леталей в зависимости от абсолютной величины дозы (ионизирующей способности) X-лучей. Были применены наиболее подходящие, сложно составленные линии дрозофилы и получены вполне точные результаты. Определенный вывод автора – интенсивность радиации в природе недостаточна для объяснения естественного трансмутационного процесса у дрозофилы – имеет весьма важное теоретическое значение. В работе этот вывод подкрепляется очень свежей сводкой новейших (за последние месяцы) литературных данных. Работа должна быть напечатана в самом скором времени в виду ее выдающегося интереса для русских генетиков...

Вторая работа – отчет об экспериментальной проверке исследования Гольдшмита, опубликованного летом 1929 г., по вопросу о влиянии высокой температуры на мутационный процесс. Это был первый опыт такой проверки в Москве, предпринятый совершенно самостоятельно. Проверка дала отрицательные результаты, но это не умаляет ее значения.

Третья работа – детальное изучение одной новой мутации, полученной в опыте вызывания мутаций у дрозофилы действием радия. Автор развивает предположение, что найденный им новый ген помещается в Y-хромосоме – явление, заслуживающее особого внимания у дрозофилы.

⁸ Письмо С.С. Четверикова от 11 апреля 1957 г. Хранится в архиве Е.А. Кешман.

⁹ Письмо отцу 27 сентября 1931 г. Дело №1000/109 ОГПУ. ЦА ФСБ(МГБ), ОСФ, №Р-36060. Т. 3, л.д.127.

В. Эфроимсоном написаны еще две работы: «Трансмутизирующее действие X-лучей на половые клетки *Dr. melanogaster*» и «Мозаические мутации и их общее значение»; но этих работ я не видел. Не подлежит сомнению, что В. Эфроимсон не потерял даром того времени, которое провел вне стен университета. За год он сформировался как активный научный работник. Было бы очень желательно предоставить ему возможность закончить университет и приобрести все связанные с окончанием права.

За 1929/30 гг. на физмате был, кажется, только один студент, заканчивавший четвертый курс по генетической специальности. Между тем спрос на таких специалистов в настоящее время в связи с реконструкцией животноводства очень велик и было бы нерационально с точки зрения советского строительства растрчивать хорошо подготовленные кадры»¹⁰.

Однако университет Владимир Павлович так и не закончил. Но он продолжал работать. Он вышел тогда на решение никем даже не поставленной проблемы: измерение частоты мутирования генов у человека. Она оказалась разрешенной на основе принципа равновесия мутационного процесса и отбора. В.П. Эфроимсон дважды докладывал эту работу на семинарах у Н.К. Кольцова.

«К счастью, – писал впоследствии В.П. Эфроимсон, – эти два доклада сохранились в памяти популяционистов-генетиков и каждый раз поминается в моих некрологах с ссылкой на то, что оригинальным первооткрывателем считается J.V.S. Holdene, 1935 г., а в действительности первым сделал Эфроимсон в 1932 г.»¹¹.

Ему тогда было 24 года, он работал по 14–16 часов в день, засыпая поблизости от рабочего места.

В 1932 г. вернувшийся из США Соломон Григорьевич Левит приглашает В.П. Эфроимсона во вновь образованный Медико-биологический институт. Левит рассказывал В.П. Эфроимсону об одном эпизоде, произошедшем в лаборатории Мёллера: «Мёллер получил от Эфроимсона письмо с результатами одного радиационно-генетического эксперимента и спросил у С.Г., что

это за Эфроимсон, тот ему ответил, что да, такой дрозофилятник есть, и Мёллер, выйдя в лабораторию, сказал: "Young man, by the name Efroimson, has made a discovery". В.П. Эфроимсон вспоминает: «Левит предложил мне оставить зоогенетику, дрозофилятину и идти в его институт. Его уговоры я оборвал сразу, выхватив из кармана рукопись о частоте мутаций у человека. Прямо как в сказке! Он был обрадован и очень. Впоследствии он обмолвился обо мне: «Дельный малый»¹².

Выхваченная из кармана рукопись и была той статьей «О скорости мутационного процесса у человека», которая так и осталась неопубликованной ни в 1932 г., ни позже.

29 декабря 1932 г. В.П. Эфроимсон был арестован и привезен в свой родной дом на Лубянку, а Холдейн за работу 1935 г. получил впоследствии Нобелевскую премию.

«Дело № 1000/109» об антисоветской террористической организации хранится в центральном архиве ФСБ. По нему было арестовано и осуждено 35 человек: Несколько философов–любителей, организовавших кружок по изучению философии (Владимир Павлович дважды посещал этот кружок); несколько человек, которые занимались с подростками в рамках умирающего движения скаутов, и пятеро биологов – бывших студентов МГУ. Большинство этих людей не были знакомы и не знали о существовании друг друга... Они просто называли на допросах своих знакомых, а те – своих... По ходу расследования этого дела (агентурное название «Мистики») были соединены три совершенно разных дела. Из биологов, кроме Эфроимсона, были арестованы Платон Борисович Гофман, Елизавета Андреевна Кадошниковна, Александр Сергеевич Бобров и Лев Вячеславович Ферри, член Четвериковского «СООРа», один из «аферистов» («аферистами» в шутку называли четверку закадычных друзей: Б.Н. Сидорова, Н.И. Шапиро, Л.В. Ферри, В.П. Эфроимсона) как члены молодежной повстанческой организации.

Основным доказательством террористических планов стал пистолет, принадлежавший А.С. Боброву... О Боброве В.П. Эфроимсон вспоминал: «На биофаке, точнее, на Большом практикуме, имелся один необычный фрукт А.С. Бобров, несомненно психопатичный, не-

¹⁰ Автограф Н.К. Кольцова. 2 июня 1930 г. Адресовано руководству университета. Хранится в архиве Е.А. Кешман.

¹¹ Письмо Татьяне Львовне Ферри, 3 ноября 1988 г. Хранится в архиве Е.А. Кешман.

¹² Там же.

вротичный, истеричный, необычайно широко образованный, великий знаток русской поэзии, которому я в значительной мере был обязан полужанном ее... Он вздумал благоволить ко мне, 25-летний к 19-летнему сопляку. Это мне очень даже импонировало. Он был энтомологом, генетику ненавидел и не знал. Это был мешок с тщеславием, но очень уязвленным: его однокурсники, матерые кольцовцы, глядели на него с некоторой степенью пренебрежения... Бобров то ли очумел от страха, то ли ему подсунили готовую версию, написал показания в духе: он-де организовывал террористические группы, но вот беда – все время ГПУ арестовывало по другим делам его сподвижников. Он проникся антисоветскими идеями, мол, исходя из евристических теорий Кольцова и генетических теорий (конец 1932, начало 1933 г.)»¹³.

Допрашиваемый В.П. Эфроимсон отвечает на вопрос следователя 19 февраля 1933 г.:

«Каким образом я, В.П. Эфроимсон, учившийся в советском ВУЗе, работавший в советских научных институтах, настроился против диктатуры пролетариата и одно время доходил до мысли о борьбе с ней.

При приеме в ВУЗы я увидел, что за их бортом остается масса молодежи, желавшей учиться и работать только потому, что их социальное происхождение неудовлетворительно. Это загибание творческих возможностей губило значительную часть молодежи, омещанивало ее или озлобляло. Я считал это крайне несправедливым, исходя из укоренившихся во мне общегуманистических принципов о равенстве людей, о том, что всем людям должны быть предоставлены максимальные возможности развития. Я считал, что классовый принцип приема столь же вреден, как и классовые, сословные предрассудки в буржуазном обществе.

Я увидел зажимание очень крупных ученых за высказывания или поступки, на мой взгляд, совершенно маловажные по сравнению с их научными заслугами.

Отсутствие в СССР прессы, могущей критиковать поступки правительства, создало во мне, после того, как я прочитал ряд книг, разоблачавших обманную роль буржуазной печати, недоверие и к существующей у нас. Я считал, что

советская власть боится критики. Убедившись в одностороннем освещении некоторых фактов в советской прессе, я считал, что смогу создать свое политическое кредо либо при возможности видеть вещи с обеих сторон, т.е. в освещении советской и контрреволюционной прессы, либо же разбираясь во всех доступных моему непосредственному наблюдению политических фактах совершенно самостоятельно. Факт доверия, которым пользовалась советская власть, был для меня сам по себе неубедителен, так как история показала, что доверием в течение многих веков пользовались и самые нелепые, лживые институты, например церковь.

Эти соображения побудили меня до поры до времени отказаться от построения своего окончательного политического мировоззрения. Каждый аргумент, который жизнь или чтение приводили в пользу существующего строя, оборачивался мыслью, что аргументы противоположного характера до меня не доходят. Я знал, что на стороне контрреволюции были субъективно честные люди с огромными знаниями. Почему? Я видел, что часто в истории наибольшую жестокость, наибольший зажим применяли правительства, совершенно недостойные. Я считал, что торжество социализма, уничтожение классов, все, что ставила своей конечной целью компартия, было столь привлекательным для огромного большинства интеллигенции, что между ними должно было бы иметься полное взаимное доверие. Я думал, что интеллигенция – наиболее образованная, творческая, исторически доказавшая свою бескорыстность часть общества – должна была бы пользоваться полным доверием советской власти. В этих смутных соображениях, переплетавшихся и борющихся с представлением о необходимости признания правильности политики компартии, очень сильно сидевшим во мне, я опирался на гуманитарные, идеалистические, индивидуалистические книги Ренана, Р. Роллана, Уэллса и др. Понимал, с одной стороны, что абстрактные принципы справедливости недействительны, а с другой стороны, считал нетерпимость основным несчастьем истории. В этот период у меня имелась и такая концепция: точные науки и естествознание, насчитывающие очень короткий срок действительного развития, должны в самом скором времени резко изменить и улучшить судьбы человечества. Наукой занято

¹³ Там же.

очень мало людей, и наука в жизни научного работника должна быть самым важным, все отвлекающие моменты, вроде общественной работы, являются нежелательными. Я ушел в генетику, в самообразование. Боровшиеся во мне идеалистические и коммунистические принципы приводили к постоянным внутренним шатаниям от желания непосредственно примкнуть к компартии и всеми силами помогать ей до, отчасти под влиянием ареста и дела отца, которое я тогда считал несправедливым, прямо враждебного отношения к ней. Но в общем общественно-политические вопросы почти совершенно вытеснились прямой учебой. Свой «политхаос» я не приводил в порядок, каждый раз откладывая то до сдачи серии зачетов, то до окончания научной работы и т. п. Я иногда говорил на эти темы с Бобровым, частично соглашаясь с ним, но в общем протестуя против его манеры сгущать краски и видеть все в черном свете (о том, что он является последовательным фашистом, я узнал лишь из текста его допроса, мне казалось, что у него такой же сумбур, как и у меня).

В университетский период у меня мелькали мысли и такого порядка: интеллигенция как наиболее образованная, подготовленная в значительной мере к творческой работе группа могла бы приобрести ведущую роль в стране. Между тем в СССР и на Западе ей принадлежало скорее подчиненное положение. Я ощущал факты проявления недоверия к интеллигенции как нечто абсолютно ненужное и неоправданное. Мне казалось, что та оппозиция, которую часть профессоров проявляла тогда по отношению к советской власти, была несущественной. Мне казалось, что университетские организации слишком переоценивали значение общественной работы в ущерб научной. Мне казалось, что при более либеральном отношении к интеллигенции она неразрывно примкнула бы к советской власти, а курс на расслоение интеллигенции, на резкое противопоставление ученых-общественников – чистым ученым отталкивал последних. Все эти соображения я не мог проверить сколько-нибудь серьезно¹⁴.

Но следователю не интересны подробности становления личности подследственного. Он

хочет услышать конкретные имена – кто виноват в том, что Эфроимсон стал врагом советской власти...

«Протокол допроса Эфроимсона от 28 января 1933 г.:

Вопрос: Неоднократно в протоколах вы отмечали, что в вас сильно укоренились «общегуманистические принципы», исходя из которых вы считали необходимым изменить режим диктатуры пролетариата. Живя всю свою сознательную жизнь в стране диктатуры пролетариата, получив образование исключительно в школьно-вузовской системе СССР, где в бесчисленных видах (преподавание, учебники, книги, общественная работа, лозунги, пресса, театры, кино и т. п.) преподносятся сознанию классовые принципы, а не общегуманистические понятия, которыми обычно оперируют идеологи из буржуазно-либерального лагеря... Объясните, как это получилось, что несмотря на окружающую вас систему указанного воспитания, эти принципы из левобуржуазного либерального лагеря взяли верх над классовыми?

Ответ: Ваш вопрос показывает, что вы неверно истолковываете мои предыдущие показания. Общегуманистические взгляды были мною почерпнуты из многочисленных книг, малую часть которых я вам назвал, и могу присоединить «В тупике» Вересаева, Шиллера, Гете, Лессинга и много других. Эти взгляды длительно сосуществовали со взглядами более реальными, вытекавшими из всей окружающей обстановки и доказывавшими мне в основном правильность политики советской власти, условность общегуманистических взглядов. Но процесс вытеснения общегуманистических взглядов продолжался чрезвычайно долго.

Вопрос: Для того, чтобы вопреки выше охарактеризованному в предыдущем вопросе советским условиям укоренились принципы из либерально-буржуазного лагеря, смешно объяснять только влиянием энного количества прочитанной беллетристики. Поэтому потрудитесь честно и мужественно без замазывания ответить, какие настоящие действительные силы, помимо «сил» беллетристики помогали формировать ваше буржуазно-либеральное представление о вещах¹⁵.

¹⁴ Дело №1000/109 ОГПУ. ЦА ФСБ (МГБ), ОСФ, № Р-36060, т. 2, л.д. 91.

¹⁵ Там же, т.1., л.д.289.

Ответа нет – лист не имеет продолжения. Эфроимсон не назвал требуемые имена.

Нет нужного ответа и в протокле единственного допроса Л.В. Ферри: «Показания по существу дела: В Московский государственный университет я поступил в 1925–1926 учебном году. Под влиянием обиды, за отвод меня от участия в Предметной комиссии отделения, в 1927 г. я перестал вести общественную работу. В феврале 1926 г. я вступил в генетический коллоквиум Четверикова «СООР», куда принимали голосованием и только лиц, лично знакомых и бывающих друг у друга. Моими друзьями могут быть названы Сидоров и Дубинин, знакомым же – Фризен, работники Института экспериментальной биологии»¹⁶.

Но рядом лежат другие протоколы:

«Встав на путь совершенно чистосердечных показаний, я в настоящее время считаю нужным признать, что моя сознательная жизнь во время моего пребывания в университете и после на научной работе была подчинена задачам борьбы с советской властью.

Формирование моих политических убеждений в решающей степени определила антисоветская атмосфера, царившая на Биологическом отделении Физмата 1 МГУ и мое социальное происхождение...

Руководящая профессура в лице профессоров Н.К. Кольцова, С.С. Четверикова, Кожевникова, Крашенинникова и др., будучи реакционно настроенной, давала молодежи и соответствующее реакционное воспитание. Характеризуя как истинного научного работника сторонников чистой науки и отгораживая нас от всякой практической деятельности, нам прививали взгляды буржуазной науки, отвергая и компрометируя марксизм. Проф. Кольцов, базируясь на своей евгенической теории, прямо и косвенно (через своих сторонников) внушал нам мысль, что только интеллигенция, и при этом аристократическая и буржуазная, способна к управлению государством, что пролетариат и крестьянство к мыслительной творческой работе биологически не приспособлены. Еще более определенную контрреволюционную работу по обработке студентов вел проф. Четвериков. Реакционные, антисоветские идеи преподносились студентам

в очень завуалированной форме, под видом научных положений. Надо сказать, что биология как наука в то время была целиком и полностью представлена реакционной профессурой, и это позволяло им под маркой «теории биологии» протаскивать свои реакционно-политические взгляды.

Вокруг реакционных профессоров, в особенности вокруг проф. Н.К. Кольцова, группировался «цвет» интеллигентского студенчества, в большинстве выходцев из буржуазных кругов, обиженных советской властью, которых готовил для науки, и очень талантливо, проф. Кольцов.

В политическом отношении все они глубоко ненавидели советскую власть и этим бравировали так же, как бравировали отказом вести какую бы то ни было общественную работу. Образ жизни у этого студенчества напоминал жизнь студенчества в дореволюционные годы и носил богемный характер. Организаторами и вдохновителями антисоветских настроений на кольцовском практикуме были студенты Бобров, Эфроимсон, Ферри, Сидоров, Дубинин и др.

Подобного рода антисоветская обстановка создавала не только антисоветские настроения, но и в последующем привела к явно фашистским и террористическим настроениям (группа Боброва)»¹⁷.

15 мая 1933 г. приговором Особого совещания при Коллегии ОГПУ В.П. Эфроимсон приговорен к 3 годам исправительно-трудового лагеря, Л.В. Ферри – выслан в Западную Сибирь сроком на 3 года. Бобров был осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей и погиб в заключении. Двое других биологов получили условные сроки и вернулись к научной работе...

Три года лагеря. Горная Шория. Алтай. Прокладка Чуйского тракта. Неимоверные по тяжести условия. Изнуряющая работа. Убивающий голод. Это был, наверное, единственный период в его жизни, когда он перестал думать о генетике. «Уверяю вас – двух месяцев холода, недоедания, копки глины и отвозки ее в тачках вполне достаточно, чтобы превратить крылатого специалиста, знавшего (как-то проинвентаризировавшегося) 4000 страниц стихов на немецком, русском, английском, – в животное, думающее только

¹⁶ Там же, т.1, л.д.194.

¹⁷ Там же, т.1, л.д.210.

о жратве», – писал В.П. Эфроимсон в 1988 г., вспоминая о лагере на Алтае¹⁸.

Из лагеря Владимир Павлович освобожден 26 декабря 1935 г. И уже через два месяца он в Ташкенте, в Среднеазиатском институте шелководства, где до него работали Н.К. Беляев и Б.Л. Астауров, блестяще организовавшие работу по селекции шелкопряда. Был даже переводчик с японского языка. За время работы в Ташкенте Эфроимсон написал 5 статей (опубликована только одна) и солидную монографию по генетике тутового шелкопряда (совместно с Н.А. Косминским, о котором речь впереди).

О том, как В.П. Эфроимсон работал, ходили легенды. По 16–18 часов в сутки, не отрываясь, без выходных, без отпусков, иногда даже ночевал в лаборатории. И сделал открытие – нашел явление сцепленных генов: при отборе на один какой-либо полезный в смысле выведения породы, признак, тот «тащил» за собой ряд других неожиданных признаков, часто сводивших на нет все усилия селекционеров.

Однако в сентябре 1937 г. его увольняют как «врага народа», заводят уголовное дело. В.П. Эфроимсон в отчаянии. Отец пишет письмо в «Правду». Дело закрыто за отсутствием состава преступления и к Эфроимсону «претензий нет»¹⁹. В.П. Эфроимсона восстанавливают в институте. Однако в сентябре 1938 г. он все равно вынужден уехать из Ташкента. Его работа была признана недостаточно результативной. Эфроимсона уволили за невозможностью использования... Экспериментальные линии шелкопряда уничтожили... Причина травли была, конечно, не в малой результативности ученого – скорее, наоборот. Директор института Деверня не мог держать в своем коллективе убежденного «морганиста». Наступила эра лысенковщины.

После нескольких месяцев безработицы в январе 1939 г. Эфроимсону удалось устроиться на шелководческую станцию под Харьковом в Мерефе.

Однако с него, несмотря на многочисленные обращения в прокуратуру, не снимали судимость, а значит он не имел права жить в «столичных» городах – ни в Москве, ни в

Харькове... А значит он был оторван от коллег в университетах, от библиотек.

«В Приемную газеты «Правда», тов. Боровой

25 октября 1937 г., в то время, когда я находился в клинике Ташкентского мединститута, куда, вскрыв себе вену, я был доставлен значительно обескровленным и где меня спасли срочным переливанием крови, мой отец обратился в редакцию «Правды» с просьбой защитить меня от беспримерной травли и гнусных издевательств, которым я подвергался со стороны ряда руководящих работников Ташкентского института шелководства, спекулировавших на моей прошлой судимости... и рассчитывавших отыграться на моей принадлежности к школе биологов-морганистов.

В результате расследования, предпринятого по инициативе «Правды», окончательно выяснилась явная вздорность «обвинений», клеветнически сострепанных преследовавшими меня людьми. Я был восстановлен на работе и в правах члена профсоюза. Однако мои мытарства не прекращаются. Вскоре после восстановления я снова был отстранен от работы (якобы «за невозможностью использования»), а по существу – из мести за мои жалобы). Опять полгода я ходил без дела.

Автор свыше 20 научных работ, в том числе капитального (650 страниц) труда по шелководству, одобренного к печати 20 декабря 1938 г. АН СССР и лично ее президентом т. В.Л. Комаровым, – я из последних двух лет 14 месяцев скитаюсь без работы и без средств.

В частности, с декабря 1938 г. я работал в качестве старшего научного сотрудника на Всеукраинской шелкостанции в г. Мерефе (режимной зоне Харькова). В апреле 1939 г. милиция отказала мне в дальнейшей прописке. Благодаря вмешательству Прокуратуры Союза ССР я прожил там все лето; жил в обстановке, исключающей возможность нормальной работы (чуть ли не каждые 2–3 шестидневки приходилось по 2–3 дня тратить в Харькове на хлопоты о продлении прописки). Наконец, 8 ноября сего года по требованию милиции я вынужден был в 24 часа покинуть шелкостанцию, оборвав на середине научные работы, которые я вел с большим напряжением сил.

Горячо прошу вас положить конец моим бедствиям:

¹⁸ Письмо Татьяне Львовне Ферри, 2 ноября 1988 г. Хранится в архиве Е.А. Кешман.

¹⁹ Дело №1000/109 ОГПУ. ЦА ФСБ (МГБ), ОСФ, №Р-36060, т. 2, л. д. 359.

Испросить разрешение начальника Главного управления рабоче-крестьянской милиции на проживание мое в зоне Харькова, что даст мне возможность отдаться работе на шелкостанции и в научных лабораториях Харькова (для подготовки к защите диссертации на ученую степень); помочь ускоренному рассмотрению моего ходатайства о снятии судимости, которое было направлено 23 июля сего года...

13 октября 1939 года»²⁰.

Судимость не сняли, разрешения на проживание в «столичных городах» не дали. Живет в Полтаве, преподает немецкий язык в г. Купянске, в средней школе.

А в Москву из Мерефы еще в 1940 г. идут сообщения секретных осведомителей...

«Совершенно Секретно

Начальнику секретариата Особого Совещания при НКВД СССР

г. Москва

На № 29|1771|3

Прилагаем на Ваш запрос копию донесения осведомителя «Петрова» в отношении интересующего Вас Эфроимсона. Других данных добыть не представляется возможным».²¹

Донесение осведомителя осталось в деле:

«3 июня 1940 г.

Поступил на шелководную станцию в ноябре месяце 1938 г. по официальной рекомендации Главшелка НКЗ СССР Эфроимсон В.П.

До наступления сезона часто брал за свой счет отпуск и ездил в Москву, якобы редактировать какие-то научные труды. По другим версиям (сотрудн. Казаровой) он выезжал по поводу личного дела, которым интересовался тов. Вышинский и которое расследовалось при ВАСХНИЛе (знает об этом профессор Косьминский – член шелководческой комиссии Академии).

Весной при составлении тематического плана Эфроимсон предложил работу по андрогенезу и гинегенезу /так в оригинале. – Е.К./ тутового шелкопряда, против которой специалисты станции – Казарова, Дуда – сильно возражали. По настоянию Совета тема была снята и Эфроимсон предложил другую работу по изучению задержки развития грены тутового шелкопряда.

Данная работа была начата с опозданием и проводилась фактически в условиях лета.

В начале сентября, когда Эфроимсону было категорически отказано в прописке, директор станции Диброва освободила его от этой должности. Комиссия, выделенная для приема работы от Эфроимсона, обнаружила ряд методических недочетов в опытах (отсутствие тождественности экономических условий для различных партий гусениц, неряшливый учет урожая коконов, отсутствие исходных записей и проч.). Спустя несколько дней, случайно, директором Дибровой была обнаружена огромная партия грены, заготовленная Эфроимсоном в течение сезона, неизвестно какого происхождения, неизвестно для какой цели.

Профессор Косьминский при обследовании станции 1–6 марта т. г. предложил сжечь грену. Директор распорядился сохранить. Весной т. г. Эфроимсон приезжал на станцию, попросил сбечь ее, но она, оставленная без использования, наверное, ожила и мураши должны погибнуть.

Следует отметить, что Эфроимсон, работая на станции, оказывал влияние на молодого специалиста Смирнову В.Д., которая работала по селекции тутового шелкопряда.

Как ученик Кольцова, он открыто отстаивал свои воззрения на селекционную работу с позиций формальной генетики (гены – наследственная основа, неизменяемость генов и пр.), часто полемизировал с консультантом Дудой, всем говорил, что собирается выступить в печати против академика Лысенко.

Косьминский (профессор) – крупный работник по селекции тутового шелкопряда, ранее близко стоявший к Украинской станции, отказался участвовать в работе станции при Эфроимсоне.

Из разговоров с бывшим директором станции Ареневым, сотр. Казаровой, Шумкиной – Эфроимсон не закончил Московского университета, так как был арестован и сослан. Аренев говорил, что Эфроимсон участвовал в кружке «Вольной философии», который был раскрыт как контрреволюционный. После отбытия срока ссылки Эфроимсон работал в Среднеазиатском институте шелководства, где тоже по его работе имели место крупные недоразумения вплоть до сжигания по распоряжению дирекции

²⁰ Там же, т.2, л.д.342.

²¹ Там же, т.2, л.д.336.

подопытного материала (грены). По словам Казаровой, Эфроимсон покушался после этого на самоубийство.

По впечатлению многих, Эфроимсон не совсем здоровый человек. Временами можно было обнаружить его чрезмерную нервозность, странности в поведении: хождение по несколько часов взад и вперед по комнате, с палкой, запойное непрерывное чтение (даже во время еды) и проч.

В настоящее время Эфроимсон живет в Полтаве. Временами ездит в Харьков. По словам сотрудника станции Казаровой, нигде не работает. Мне лично при встрече осенью прошлого года говорил, что зарабатывает переводами (знает иностранные языки)²².

Реабилитация по делу № 1000/109 придет лишь 30 мая 1989 г., но об этом В.П. Эфроимсон так и не узнает – решение о реабилитации, которое принято Верховным судом СССР на основании представления отдела по надзору за следствием в органах государственной безопасности Прокуратуры СССР, осталось лежать в архиве ФСБ...

Профессор Н.А. Косминский, оказавшийся на Пятигорской шелководческой станции, уедет оттуда вместе с отступающими оккупационными войсками и, как писал В.П. Эфроимсон (вероятно, откуда-то узнал?), умрет в Италии²³...

А Владимир Павлович в 1940 г. действительно ездит в Харьков – в библиотеку, в университет и к жене, Марии Григорьевне Цубиной, с которой знакомы были со времен студенчества, на которой женился в 1937 г., когда казалось, что жизнь налаживается. В том же 1940 г. В.П. Эфроимсон получил разрешение на сдачу кандидатского минимума, сдал в печать книгу по генетике тутового шелкопряда. Представил к защите кандидатскую диссертацию «Генетико-селекционные исследования над тутовым шелкопрядом».

Оппонентом на защите были Борис Львович Астауров. В отзыве, написанном 22 мая 1941 г., он писал:

«Работа В.П. Эфроимсона представляет собой содержательную и интересную сводку

М.Г. Цубина.

экспериментальных и теоретических исследований, связанных с жизненными вопросами теории и методики селекции тутового шелкопряда. В целом ряде разделов работы она выходит, однако, по своему значению за рамки частной генетики и селекции тутового шелкопряда и представляет несомненный интерес для общей теории искусственного отбора.

Актуальность проблем, обсуждаемых в работе диссертанта, стоит вне каких бы то ни было сомнений.

Две первых главы... посвящены анализу текущего в популяциях тутового шелкопряда мутационного процесса, его количественной и качественной характеристике и обсуждению значения открытых фактов для понимания механизма таких существенных явлений, как инбредная депрессия и гетерозис при различных системах скрещивания и отбора. Эти явления анализируются автором на материале наследственных изменений, обуславливающих гибель зародыша, – эмбриональных леталей, что представляет ряд методических удобств и вносит большую объективность в оценку данных опытов. Следует подчеркнуть, что в этой области исследования автор полностью оригинален: ни в советской, ни в зарубежной литературе по тутовому шелкопряду мы не находим даже отдаленных аналогов этих работ, да и на других объектах, даже таких изученных,

²² Там же.

²³ Письмо Т.Л. Ферри. 3 ноября 1988 г. Хранится в архиве Е.А. Кешман.

как дрозофила, эти важнейшие вопросы очень мало разработаны. Материал и следствия, которые выводит из наблюдаемых фактов автор, интересны, убедительны и имеют большое значение для изживания слепого эмпиризма в ориентации селекционных исследований.

Два следующих раздела «Опыты получения абсолютно гомозиготных особей у тутового шелкопряда методом мероспермирования» и «Опыты получения мерогонии у тутового шелкопряда» посвящены экспериментам, имеющим между собой по задачам и методу много общего. Возможность экспериментального получения мероспермии (или гиногенеза) и мерогонии (или андрогенеза), показанная в самое последнее время на тутовом шелкопряде, представляет большое теоретическое значение и открывает интереснейшие перспективы практического использования этих явлений в целях селекции и произвольной регуляции пола... Методы получения гиногенеза и андрогенеза у тутового шелкопряда находятся сейчас в стадии самой первоначальной разработки, и каждый новый факт и хотя бы малый успех представляют чрезвычайный интерес. В этом аспекте представляют очень большой интерес и опыты диссертанта, имеющие характер широкой и успешной рекогносцировки. Автором показана возможность получения гомозиготного гиногенеза (мероспермии), получено много гиногенетических и андрогенетических особей, нащупаны условия, благоприятствующие успеху опытов, получено увеличение процента выхода андрогенетических и гиногенетических особей по сравнению с тем, что достигнуто в работах других исследователей. Всего этого более чем достаточно для высокой оценки этих разделов работы.

Пятая часть работы «Наследование вольтинизма и проблема селекции бивольтинных пород» представляет собой интересный анализ литературных данных и полученных рядом советских исследователей по этому вопросу материалов... Подбор материалов и угол зрения, под которым они разобраны, оригинальны и представляют большую заслугу автора... Интерпретация фактических данных, на мой взгляд, в существенных чертах очень убедительна и имеет большое значение для сознательного овладения сложными явлениями, сопровождающими селекцию бивольтинных пород.

В шестой части работы, названной «Факториальный метод линии-испытания», описывается и аргументируется предложенный автором простой и объективный метод сравнительного испытания гибридов в строго маркированных сигнальными наследственными признаками гусениц. Демонстрируется на примерах применение метода. Не подлежит сомнению, что в ряде случаев предлагаемый метод может принести большую пользу... Способ экономит трудозатраты, уже нашел себе и несомненно будет находить и в дальнейшем практическое применение в генетико-селекционной работе.

...Диссертация захватывает широкий круг весьма важных проблем, содержит много нового и оригинального. Диссертация написана прекрасным, простым, достаточно лаконичным и выразительным языком.

Работа снабжена большим (128 названий) списком литературы. Следует отметить, что автор вообще является бесспорно лучшим в Союзе знатоком селекционно-генетической литературы по тутовому шелкопряду.

В.П. Эфроимсон является вполне зрелым исследователем, зарекомендовавшим себя рядом известных, цитирующихся в литературе печатных работ. Некоторые его работы могли бы доставить ему кандидатскую степень и раньше. Он является автором большой книги-сводки по основам генетики и селекции тутового шелкопряда, которая сейчас, по моим сведениям, принята к изданию издательством Академии наук. Рецензируемая работа также является более чем достаточным основанием для того, чтобы присудить ее автору степень кандидата биологических наук»²⁴.

Защита прошла в Харьковском университете в среду, 18 июня 1941 г.

Потом была война.

В.П. Эфроимсон пишет: «Собрав все справки о кандидатстве ... на третий или четвертый день после 22 июня 1941 г., я пошел в военкомат, протянул свидетельство о степени – это некое свидетельство об общей квалификации... Но дело, сказал я, не в этом, а в том, что я владею немецким языком, как русским, знаю хорошо немецкую литературу, историю, и главное – расизм... «Архив расовой биологии» был у

²⁴ Дело № 2568, ЦА ФСБ, № Р-10561, л.д. 170.

1943 г.

меня настольным журналом и, следовательно, я могу пригодиться и в разведотделе, и для агитации. Военком просиял и сказал, что у них как раз экстренное требование именно на такого человека, и уже приготовился меня оформлять. Я его приостановил. «Чтобы вас не подвести, хочу предупредить: у меня была статья 58-10, три года. То, что дело абсолютно дутое, вы проверить не сможете, да и не стоит. У меня на лице ясно написано – я еврей, следовательно, нацизм ненавижу. За прошлое теперь не время считаться, фамилия у меня тоже еврейская, так что я – абсолютно надежен». Мусьё сказал: «Хорошо, я только позвоню в часть, свободно ли еще место». Он вышел за дверь и, не давая себе труда задержаться хоть бы для видимости три минутки, вернулся и сказал: «Место, оказывается, уже занято, наведайтесь недели через две, может быть, поступит другая заявка»²⁵.

Оргвывод: с моей анкетой ни в разведке, ни в VII отделе (агитация среди войск противника)

не место. Я умылся, и этот визит определил мое военное будущее...

А в агитации я мог бы принести совершенно неопределимую пользу, точно зная, на что надо нажимать прицельно, точно и гарантированно успешно»²⁶.

В 1941 г. Эфроимсон попал в группу биологов Харьковского университета, спешно переучиваемых на врачей-лаборантов. Университет эвакуировался. Он попал в Тамбов, оттуда всю «молодежь» мобилизовали и пешком довели до станции узловая Вольск (восточнее Саратова), потом в Саратов. Там ему предложили демобилизоваться.

«... но мне омерзело бесплодное шатание, я отказался от демобилизации..., в конце ноября 1941 г. – фронт, на должности начальника отделения химзащиты.

Меня быстро, после моего заявления о знании немецкого, забрали в Штадив на должность помощника начальника отдела разведки.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

Начальник отдела оказался одним из умнейших, храбрейших, порядочных людей, физик, ученик Иоффе – Борис Трофимов, который меня очень быстро обстрелял, т. е. научил при минналете молниеносно-автоматически падать, именно куда нужно. Но у Бориса Трофимова, как знала вся дивизия, была 58 статья... А так как в разведке 80–90 % неудач с потерями, то нам в паре – прямая дорога в СМЕРШ. Не объясняя Трофимову в чем дело, я договорился с ним, что уйду обратно в медсанбат, но меня будут вызывать в переднюю траншею встречать каждое возвращение разведки. Так что я каждую неделю–декаду бывал под артналетами... Мне только один раз (и то впустую) довелось своеволькой ходить в разведку, но в первом же немецком отступлении я имел честь в числе первых орденосцев дивизии получить Красную Звезду»²⁷.

Он прошел со своей частью всю войну. И вот уже Польша, 1944 г.:

«В каком-то польском городке я увидел колонну танков, чуть приостановившихся. Я подбежал к штурмовому оружию, попросил взять к себе. На третий день пробежал с передовой пехотой по дороге к городку Цюлихау. Переночевал в немецком доме на тюфяках, ночью меня разбудила хозяйка: «Город горит!». Я собрал несколько десятков поляков и немцев, начал ведрами тушить или локализовывать пожары, отругиваясь матом от проходивших советских, которые мне орали: «Чего немецкое добро отстаиваешь!». В промежутке между матом я вставлял: «Это уже не немецкое, а наше». Оно стало польским, но был такой период в моей жизни, когда я увидел, что единственное доброе дело, сделанное за всю жизнь, было спасение городка Цюлихау, который иначе выгорел бы наполовину, треть, четверть.

Вот, бегая с ведрами и своей командой, я увидел краем глаза странную процессию 6–7–8 седых женщин с клюками, выносивших из города на горбах молоденьких девочек... Вскоре я отправился на Одер, в местечко Одерек. Там какая-то местная жительница, услышав, как я говорю по-немецки, попросила меня помочь двум женщинам в ее домике. У обеих – 5-летней дочери и 30-летней матери, стенографистки из

Берлина, оказались порезы выше кисти рук, подзасохшие и безопасные, но я узнал их причину. Мать, после энного числа визитеров, решила покончить и с собой, и с дочерью. Тут-то до меня дошел ужас, двойной: очевидно, цюлихаузские бабушки уносили внуков от «визитеров», а я этого не заметил и не понял, что люди, не знающие язык, могут тоже не замечать и не понимать. Надо немедленно кончать с этим.

Мне было абсолютно понятно: немцы против нас будут драться до последнего, союзников будут встречать как освободителей и т. д. и т. п.

В некой тамиздатовской книге написано, что я спасал честь немецких женщин. Но не дописано, что я спасал и честь советской армии.

Через пару дней подтянулся и наш санэпидотряд с автолабораториями и опергруппа Штаба армии. Мои коллеги, узнав о моем донесении, бросились доказывать мне, что это – трибунал. Но я свято верил в святость бумажки (никто не сможет бросить или отговориться, что не знал) и отдал ее армейскому прокурору для проверки и передачи нашему члену Военсовета армии, очень неглупому человеку, в сообразительность которого верил...

Конечно, риск был большой, тем более что легко могла всплыть моя биография. Прошли несколько дней ожидания трибунала, но меня вызвал начсанарм с помощником и минут сорок ругали на чем свет стоит. Я стоял по стойке смирно, с очень сложным чувством: раз ругают, значит, под трибунал не отправят (у меня была хорошая репутация, заработанная на передних траншеях), а долг выполнен.

С другой стороны, отчаяние: раз умный член военного совета армии не понял, кто ж поймет. Ну, обошлось ликвидацией наградного листа и репутацией главного идиота. И в этом звании я ходил месяца полтора, как вдруг – статья в Правде «Товарищ Эренбург упрощал», и я внезапно из идиота превратился в не-идиота.

Впоследствии оказалось, что когда Каннибаллессимусу донесли об эксцессах, он дал реплику «пусть ребята погуляют», но затем последовал приказ Гитлера со ссылкой на эксцессы – стоять до последнего, и у нас эксцессы почти отрубались – но слишком, слишком поздно...

Я-то вообще очень робкий, трусливый и забитый человек, но только до тех пор, пока

²⁷ Там же.

не хватает за шиворот категорический императив»²⁸.

Но кончилась война. И Эфроимсон вернулся к генетике. Спешно дорабатывал докторскую диссертацию.

Профессор И.Е. Лукин, работавший в то время в Харьковском университете, писал: «После демобилизации В.П. Эфроимсон работал в Харьковском университете и в течение 1946–1948 гг. я был свидетелем его научной деятельности. Должен сказать, что В.П. Эфроимсон является одним из наиболее энергичных и самоотверженных научных работников, каких мне приходилось видеть в своей жизни. Он работал буквально сутками, забывая об отдыхе, личных нуждах, удобствах и т. д. Всю свою неисчерпаемую энергию он посвятил изучению чрезвычайно важного в практическом отношении объекта – шелковичного червя. В течение короткого времени он проделал в этой области колоссальную работу и уже в 1947 г. представил к защите на степень доктора биологических наук огромный труд. Защита диссертации на заседании Ученого совета Харьковского университета прошла весьма успешно, и совет единогласно просил ВАК утвердить соискателя в ученой степени доктора биологических наук.

После защиты он еще более энергично продолжал свою работу по изысканию методов дальнейшего улучшения шелководства. Он привлек к этой работе ряд студентов, а также уже окончивших ВУЗы и всячески содействовал становлению их как самостоятельных научных работников»²⁹.

О докторской диссертации В.П. Эфроимсона «Проблемы генетики, селекции и гибридизации тутового шелкопряда» сохранился отзыв Б.Л. Астаурова:

«Капитальный труд В.П. Эфроимсона представляет очень большой интерес. Во-первых, он принадлежит перу одного из наших виднейших генетиков-теоретиков, совмещающего широкую эрудицию в области общей биологии и генетики с глубоким знанием частной генетики тутового шелкопряда – объекта, с которым тесно связана исследовательская деятельность диссертанта. Во-вторых, работа посвящена замечательному

объекту, по разработанности своей генетики уступающему лишь дрозофиле, а в некоторых отношениях даже превосходящему ее.

Сводка и всеобъемлющее критическое рассмотрение данных по генетике, селекции и гибридизации подобного объекта, – а это является стержнем диссертации, – имеет тем большее значение и актуальность, что по злой иронии судьбы материалы по генетике тутового шелкопряда освещены в общебиологической литературе в обратной пропорции с их обилием и значимостью и, можно сказать, остаются достоянием буквально одиночек специалистов-генетиков, работающих в области научно-практического шелководства...

Сводка, построенная на столь полно собранной и трудно доступной литературе, – а литература эта не только дана в списке, но достаточно полно, хотя и в меру необходимости, изложена в тексте, – является поистине уникальной. Напрасно стали бы мы искать что-нибудь идущее в параллель как в нашей отечественной, так и в зарубежной литературе по генетике тутового шелкопряда.

Я назвал диссертацию В.П. Эфроимсона сводкой, ибо весьма полный критический обзор селекции и генетики тутового шелкопряда является ее костяком. Однако это не значит, что содержание диссертации сводится к компилятивному изложению чужих фактических данных и взглядов. Напротив, работа несет печать яркой индивидуальности и в целом ряде разделов глубоко оригинальна. Многие главы построены полностью или в значительной степени на собственном экспериментальном материале автора, другие посвящены вполне оригинальному теоретическому обобщению накопленного опыта.

Многие теоретические обобщения представляют весьма широкий общебиологический интерес, далеко выходя за рамки частной генетики и селекции шелкопряда в область общих вопросов естественного и искусственного отбора, генетического строения популяций, мутационного процесса и, следовательно, в область злободневных проблем эволюционной теории.

Из всего сказанного должно быть ясно, что я считаю представленную работу заслуживающей весьма высокой оценки»³⁰.

²⁸ Там же.

²⁹ Дело № 2568, ЦА ФСБ, № Р-10561, л.д.169.

³⁰ Там же, л.д. 170.

1948 г.

Этот отзыв датирован сентябрем 1946 г. В том же году в Научной хронике ХГУ опубликована статья «Эволюционно-генетический анализ вольгинизма тутового шелкопряда». Она же послана в журнал «Общая биология». Владимир Павлович работает старшим преподавателем в Харьковском государственном университете.

Но приближается 1948 г.

«Объявляю для сведения приказ заместителя Министра высшего образования СССР тов. Топчиева А.В. № 2/Х от 23 февраля 1948 г.:

4. Эфроимсона Владимира Павловича – старшего преподавателя кафедры дарвинизма и генетики – за поступки, порочащие высокое звание преподавателя высшей школы, от работы в ХГУ – освободить.

Ректор ХГУ Буланкин»³¹.

«Порочащий поступок» был по тем временам нешуточный – В.П. Эфроимсон перевел и давал читать своим студентам статью Феодосия Добжанского с критикой Лысенко.

Эфроимсона уволили. Он метался между Харьковом и Москвой. И работал. Переводил книги (оформлял перевод, конечно, на чужие имена), сидел в «Ленинке» и в «Короленко» (в Харькове). Временно устроился библиографом в Библиотеку иностранной литературы... Именно тогда Владимир Павлович собрал воедино весь «корпус» лысенковской литературы,

проанализировал все «новаторские» положения лысенковской школы и написал фундаментальный труд «О преступной деятельности Т.Д. Лысенко» (Докладная записка в Отдел науки ЦК ВКП(б) на 15 печатных листах). Эфроимсон решил, что именно он обязан раскрыть глаза руководителям страны на истинное положение вещей в генетике и вообще – в сельскохозяйственной и биологической науке. Труд свой он отдал в Отдел науки ЦК, Андрею Жданову, сыну Жданова-большого... Труд был прочтен.

Потом была августовская сессия ВАСХНИЛ.

«То, что произошло, ... я до сих пор ощущаю болезненно. Я хотел выступить, уже после оглашения решения ЦК, с очень скромной «речёй»: мол, я в восторге от того, что ТДЛ объявил публично о том, что все решено в его пользу заранее, а так как решение есть приказ, то остается только подчиняться. Но здесь мы на сессии узнали, какие обещания поднять урожай и как именно дали неомичуринцы. Если ради выполнения таких грандиозных подъемов урожая необходимо закрыть менделизм-морганизм, закрывайте. То, что я до мозга костей был, есть и остаюсь менделистом-морганистом, скрывать не стану, но я – человек маленький, попробую найти себе дело по душе, если, конечно, меня не возьмет на полное иждивение государство. Но сообщение Лысенко об одобрении его доклада среди жути этой сессии меня просто радостно опьянило. Пусть мичуринцы, съев морганистов в ближайшие 2–3–4 года, как обещали, резко поднимут урожай. Но на мельчайшую долю секунды вообразим, что этого вовсе не произойдет! Тогда ЦК будет абсолютно морально обязано возместить нам, генетикам, те возможности работать, которых нас лишили не сегодня, а уже 15 лет назад.

На ядовитые вопросы я дал бы резчайшие ответы, текст 200-страничной докладной я держал при себе. Но на меня дружно набросились Мика, А.А.Малиновский, Марек и др. Как с Вашей биографией? С 58-10, 11? С Вашим происхождением, с волчьим паспортом – Вам выступать? Да вы все погубите! Взлся выступить на другой день А.А. Малиновский. Но он просто не пришел, никого не предупредив, но помешав выступить мне...»³².

³¹ Там же, л.д. 140.

³² Письмо Т.Л. Ферри. 6 ноября 1988 г. Хранится в архиве Е.А. Кешман.

Так Эфроимсон и не выступил на сессии... Мы многое знаем об этой печально знаменитой августовской сессии ВАСХНИЛ. Мы знаем о чудовищном погроме, учиненном лысенковцами в отечественной науке. Мы знаем, что тысячи настоящих ученых были изгнаны из науки, лишлись кафедр, лишлись возможности преподавать генетику, лишлись лабораторий, просто остались без работы... Но мало кто знает, что после сессии 1948 г. был арестован лишь один генетик – Владимир Павлович Эфроимсон.

Это произошло 24 мая 1949 г.

Однако обвинение, которое ему было предъявлено, не имело в виду ни менделизм-морганизм, ни клевету на Лысенко... Его обвинили в антисоветской агитации и пропаганде, заключавшейся в клевете на Советскую Армию.

Пятнадцать дней он голодал в ледяном карцере Бутырской тюрьмы, требуя, чтобы нелепое обвинение, предъявленное ему, боевому офицеру, награжденному орденами и медалями за доблестный воинский труд, было заменено истинной причиной ареста. Он хотел, чтобы его обвинили в том, в чем он действительно был виновен – в борьбе и дискредитации «народного академика»...

«Я протестовал, настаивал, объявил голодовку, но меня обработали так, что в сорок один год я навсегда потерял память на имена. Прочие участки мозга кое-как восстановились.

Два факта. Первый. Мой следователь, туповатый, малограмотный подполковник, к своим второстепенным наградам добавил Орден Ленина. Второе. Топчиев, доктор химии, взлетел в 1949 г. не в член-коры, не в академики АН, а аж в главного Ученого секретаря АН. Вполне заслуженно...

Напомню, то, что король гол, – закричал мальчишка. В СССР это про Лысенко могли заорать только 2 человека: я и Рапопорт одноглазый:

«Пожилой, застенчивый еврей,
Боевой потомок Маккавеев».
(У Светлова «Молодой»).

Меня пробовали пустить по психушечной линии, тогда я, как и А.С. Есенин-Вольпин, мой товарищ по институту Сербского, получил бы вместо лагеря ссылку, но я уперся. Как псих я нуль, как не псих, могу еще драться. Но Органы не желали, чтобы в папку «хранить вечно»

попали бы материалы, обвиняющие Лысенко. Такова была система»³³.

Кстати, «туповатый малограмотный подполковник», который вел дело Эфроимсона – подполковник В.А. Гарбузов. Он по крайней мере дважды вошел в историю отечественной науки. Впервые в 1945–1946 гг., когда «работал» с Н.В. Тимофеевым-Ресовским, тогда еще в ранге майора, и в обвинительном заключении написал: «Следствием установлено, что Тимофеев-Ресовский изменил Родине и оказывал содействие немецким разведывательным органам»³⁴. Приговор – «10 лет лагерей с поражением в правах еще на 5 лет и с конфискацией имущества». В 1949 г. он ведет дело Эфроимсона уже в чине подполковника и уже с Орденом Ленина. Видимо, за большие заслуги перед Родиной...

Единственным свидетелем по делу проходила давняя знакомая Владимира Павловича, которой он писал с фронта и с которой делился своими впечатлениями о прошедшей войне после демобилизации. Владимир Павлович даже на очной ставке отверг все ее показания... А она, правда уже в 1956 г., когда Эфроимсон добивался реабилитации, отправила в Прокуратуру Союза ССР заявление, в котором объяснила «механику» получения нужных следователю показаний: «Считаю долгом исправить свои показания на допросе и очной ставке по делу биолога Эфроимсона Владимира Павловича, которые давала в июне 1949 г. в качестве свидетельницы.

В начале допроса я показала и проследила за внесением этого в протокол, что Эфроимсон никаких антисоветских разговоров со мной или в моем присутствии не вел, и что ничего антисоветского не было и в его многочисленных письмах ко мне.

Ответив и на многочисленные частные вопросы в ходе пятичасового допроса, что Эфроимсон В.П. ничего антисоветского мне не высказывал, я, однако, допустила одну серьезную оплошность: я показала, что Эфроимсон В.П. мне говорил о том, что после перехода границы имели место насилия над немецкими женщинами, и что он с этим очень активно боролся и даже подавал рапорт начальству. Однако мое

³³ Там же.

³⁴ Рассекреченный Зубр. Следственное дело Н.В. Тимофеева-Ресовского. М.: Academia, 2003. С. 445–449.

показание было записано в обобщенной форме, вроде того, что армия насильовала немецких женщин. Придавая решающее значение основному показанию, что Эфроимсон В.П. никаких антисоветских разговоров со мной не вел, я подписала неверную формулировку, из-за чего вынуждена была подтвердить на очной ставке. От нее считаю долгом отказаться.

Эфроимсон говорил мне о фактах насилия, о своей борьбе с эксцессами лично и через командование.

Я знала, что Эфроимсон активный, деятельный морганист-менделист, противник направления академика Лысенко. Решение партии, что направление, которому принадлежал Эфроимсон – лженаучное, идеалистическое, говорило мне о том, что он вел научную работу и действовал во вредном, идеалистическом направлении, почему я и дала ему отрицательную оценку, в частности, и как ученому или научному работнику, предупредив допрашивающих устно, что будучи географом, в специальных вопросах биологии разбираюсь мало»³⁵.

Эфроимсон не согласился ни с одним пунктом обвинения, но был осужден на 10 лет лишения свободы. На этот раз – Степлаг. Джекказган. О нем пишет А.И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ», о нем вспоминали сидевшие вместе с ним политзаключенные. Удивительно достойно и несгибаемо вел себя В.П. Эфроимсон и в лагере. Один из заключенных, Вадим Попов, оставил поэтическое свидетельство тех лет:

*«Лагерный университет»,
Подогретый общим интересом,
На грядущий беспокойный сон
Нам читает лекции профессор.
Он теперь – зека Эфроимсон.
Где читать – на кафедре, в сарае-ль,
или где-нибудь на Бобкин-стрит...
Отпусти такого – он в Израиль
Несомненно лыжи навострит!
В деле вывод сам собою вытек:
заклеймен как явный формалист.
Вообще, «умеет много гитик»,
Вообще – «заядлый сионист»!
Только нам он дорог без протекций.
Разгоняет и тоску, и грусть,*

*Да вдобавок после этих лекций
Гумилева шпарит наизусть.
Мужеством балладным Гумилева
Осветляет мрачность бытия.
Слушают – Софианиди Лева,
Отия Пачкория и я.
Пусть друг друга раньше мы не знали
И судьбы хотели мы иной,
Но в своем интернационале
Связаны до прочности цепной.
И сидим на лекциях на этих,
Впитывая каждый взгляд и звук.
Нам читает лекции генетик –
Доктор уничтоженных наук.*

Джекказган, 1953 г.»

Конечно, я понимаю, что «Израиль» и «сионизм» здесь – фигуры речи. Но когда в 1989 г. я спросила Владимира Павловича, уже смертельно больного, не хотел ли он когда-нибудь эмигрировать, он ответил: «Разве я могу увезти с собой «Ленинку»? А без нее я не мог бы жить».

А «баллады» Гумилева иещесотни стихов – Гете, Гейне, Сельвинского – он микроскопическим почерком записал по памяти на ста страничках самодельной тетради («для тренировки памяти и так – на случай полного идиотизма»). Сейчас эта тетрадь хранится в Историческом музее РФ.

В лагере Владимир Павлович не только читал лекции и стихи. Он продолжал заниматься наукой! В Джекказгане им обнаружена и изучена новая форма лихорадки, возбудитель которой передавался местными клещами.

³⁵ Заявление в Прокуратуру от 16 апреля 1956 г. Копия хранится в архиве Е.А. Кешман.

Из письма жене, февраль 1954 г.:

«Очень, очень прошу тебя ни в коем случае не слать мне ни посылок, ни денег. Я всем обеспечен. Но вот хорошо бы, если бы ты выслала мне разрешенные теперь почтой небольшую посылку или бандероль – с тетрадами, карандашами, перьями. Здесь это очень дефицитно, а я собираюсь много, много писать. Хочу тебя просить еще об одном, для меня чрезвычайно важном. Есть такая книга Галузо «Клещи Казахстана» – (монография). Посмотри: 1. Есть ли в моем районе клещи-распространители клещевого возвратного тифа; 2. Какие РОЭ при этой инфекции (это по какой-либо другой книге); 3. Прочитай и если можно вышли какую-либо монографию или просто научную работу по клещевому возвратному тифу. Собираюсь в ближайшее время писать докладную в «свое» министерство по поводу этой инфекции. Мне колоссально помогла присланная тобой литература, точнее – книга Розенберга, которая сняла много кажущихся противоречий – например, у меня максимум был в сентябре, а по имевшейся до Розенберга литературе – максимум падает на апрель – что выбивало у меня один из важнейших диагностических аргументов; далее – я видел только одну спирохету – оказалось, что существуют аспирихетные случаи. Все это имеет большое значение, так как тысячи случаев прошли под диагнозом малярии, обострения хронического бронхита и т. п. К сожалению, не могу знать, имеет ли место явление узко-локальное, или раскрыл то, что непонятым проходило по всему Ц. Казахстану. Очень грустно, что об этом всем не знает акад. Павловский. Вообще, мне удалось распутать всю историю только комбинированными исследованиями, доказательством сезонной ограниченности и хорошим фокусом с эпидемиологическим анализом. Знаешь, Мика, я дошел было до состояния худшего, чем после защиты докторской. Но если бы это вошло, пусть анонимно, в науку, я бы считал, что не зря прожил. Здешний меднарад смотрит на все это, видимо, со своей колокольни – как бы нам не влетело за то, что мы все это проморгали.

Грустно, что мне пришлось заняться этим делом, не дописав дизентерийную работу, хотя она тоже интересна – глистоносители заболевают дизентерией в три раза чаще неинвазированных и у первых заболевание сильно удлинено, захо-

дит в осень-зиму, так что они в очень большой мере ответственны за проскок дизентерийной палочки сквозь межэпидемический период. На все сие у меня есть статистически убедительные цифры. Статистически убедительно и другое: массовое самоизлечение от аскаридоза и трихоцефалеза в результате одного только резкого улучшения санитарно-гигиенических условий. Как хотелось бы, чтобы и об этих фактах узнал тот же акад. Павловский! Правда, когда думаешь, что все сие сделано в чужой области, при 10–14-часовой занятости повседневной работой, при литературе, подоспевшей только к концу, при трудностях локальных, делается грустно – сколько бы сделал в нормальных условиях, в своем деле. Но черт с ним, ничего не поделаешь. Не грустить же о годах, вхлопанных в идиотскую, заранее проваленную работу в Мерефе! Ну вот, Микки, я расписался в целый трактат. Извини. Все же м.б. тебе приятно узнать, что я в умственном отношении как-то сохранился. Может быть, еще поживем? Между прочим, если бы не твоя помощь литературой, у меня ничего бы не вышло»³⁶.

Лишь после смерти Сталина и то – не сразу а через два года, после тяжелейших мытарств Марии Григорьевны, после неоднократных обращений в прокуратуру дело Владимира Павловича было пересмотрено. К просьбе о пересмотре Мария Григорьевна приложила характеристики, написанные по ее просьбе учеными, которые знали Владимира Павловича. Шел 1954 г. Еще не наступила оттепель. Еще не было развенчания «культы личности». Далеко не каждый осмеливался выступить в поддержку «врагов народа»... Но в следственном деле Эфроимсона появились характеристики, подписанные Лауреатом Сталинской премии Николаем Ивановичем Калабуховым, доктором биологических наук Сергеем Сергеевичем Четвериковым, доктором биологических наук, профессором Ефимом Иудовичем Лукиным, доктором биологических наук Борисом Львовичем Астауровым, кандидатом биологических наук, сотрудником Украинской шелководческой станции (Мерефа) Екатериной Федоровной Бондаренко.³⁷

³⁶ Письмо М.Г. Цубиной 25 февраля 1954 г. Хранится в архиве Е.А. Кешман.

³⁷ Дело № 2568, ЦА ФСБ, № Р-10561, л.д. 167–179.

3 декабря 1954 г. прокуратура приняла решение – меру наказания осужденному Эфроимсону «снизить до фактически отбытого срока, из заключения его освободить»³⁸... И опять с ограничением в праве выбора места жительства. Его не реабилитировали в 1955 г. – просто «снизили срок»...

Когда в 1955 г. он, оторванный от Москвы, от любимой науки, поселился в Клину, то первым своим долгом счел необходимость повторить все те доводы против Лысенко, которые оказались бесполезными в 1948 г. Сергей Сергеевич Четвериков сравнил труд Эфроимсона с расчисткой авгиевых конюшен. И тут же добавил: «Но ведь для того, чтобы их расчистить, тоже нужно было быть Гераклом»³⁹.

До реабилитации 31 июля 1956 г. В.П. Эфроимсон занимался переводами, приезжал ежедневно из Клина в Ленинку и в Библиотеку иностранной литературы, которой заведовала Маргарита Ивановна Рудомино. Она опять, как и в 1948 г., зачислила Эфроимсона на должность библиографа по договору. Читал все, что имело отношение к его любимой генетике, опубликованное за последние 7 лет...

Первая после лагеря статья Владимира Павловича появилась в Бюллетене МОИП – О книге Н.И. Фейгинсона «Основные вопросы мичуринской генетики». Он написал ее и отдал в МОИП, но под статьей стояли подписи двух «пожилых биологов» – Б.Н. Васина и Т.К. Лепина. Фамилию реабилитированного Эфроимсона успели добавить в последний момент.

До 1960 г. Эфроимсон публикуется практически только в этом журнале. Московское общество испытателей природы в 1950–1960-х гг. было одним из немногих мест, где могли печататься генетические работы. Оно же, это старейшее естественнонаучное общество России, организовало цикл лекций по актуальным проблемам генетики (генетический ликбез) сначала в Большой зоологической аудитории, а затем генетики ездили по периферийным университетам и медицинским институтам... Владимир Павлович был связан с МОИП тесно, до последних лет жизни он был постоянным участником заседаний секции генетики, мно-

жество его докладов опубликовано в «Докладах МОИП». В 1985 г. он был избран почетным членом Общества.

В.П. Эфроимсон вернулся к науке – к генетике человека, от которой его оторвали в 1932 г. За 25 лет генетика сделала мощный рывок. Если в конце 1930-х советская школа генетиков и медико-генетиков занимала лидирующее положение в мире, то в конце 1950-х гг. надо было начинать практически с нуля. Первое, что предпринял В.П. Эфроимсон, – он написал книгу «Введение в медицинскую генетику», которая только в 1964 г. была опубликована после чудовищной борьбы с сильными тогда лысенковцами. Эта книга долгие годы была единственным пособием по медицинской генетике для тысяч отечественных врачей. Главную роль в выходе книги сыграл вице-президент АМН Василий Васильевич Парин, которого Эфроимсон называл «Тамм медицины».

С 1961 г. Эфроимсон работает в Институте вакцин и сывороток им. И. Мечникова. Сначала – в отделе информации. Но одновременно он занимается управляющими механизмами иммунитета, канцерогенеза, лучевой болезни, генетикой иммунитета. Ездит на семинары к Н.В. Тимофееву-Ресовскому в Миасово. Готовит к изданию монографию «Иммуногенетика» (1971). Входит в Научный совет по генетике АН СССР. Одна за одной выходят его статьи в журнале «Цитология», в сборниках «Проблемы кибернетики», которые выпускает А.А. Ляпунов, в «Журнале Всесоюзного химического общества им. Д.И. Менделеева» (несколько выпусков журнала посвящено проблемам эволюции и теоретической биологии). Во втором издании Большой медицинской энциклопедии выходят статьи Эфроимсона «Наследственность человека» (совместно с С.Н. Давиденковым), «Соматические мутации», «Иммуногенетика», «Наследственные болезни». Почти в каждом выпуске биологической серии «Новых книг за рубежом» В.П. Эфроимсон публикует рецензии (а вернее – подробные рефераты) важнейших для генетиков изданий зарубежных авторов, в том числе «Введение в генетику» Бега, «Основы генетики человека» К. Штерна и др. К переводу книги Штерна он к тому же пишет дополнительные главы и создает «Сборник задач по генетике человека»,

³⁸ Там же, л.д.185.

³⁹ Письмо С.С. Четверикова от 11 апреля 1957 г. Хранится в архиве Е.А. Кешман.

который стал незаменимым пособием для обучения молодых врачей.

В 1966 г. Д.Д. Федотов приглашает В.П. Эфроимсона в Институт психиатрии Минздрава РСФСР, в котором Эфроимсон возглавляет лабораторию генетики психических болезней. Результат работы его лаборатории – десятки статей, несколько фундаментальных монографий, в том числе «Генетика олигофрений, психозов и эпилепсий» (совместно с М.Г. Блюминой), «Генетика психических болезней» под ред. В.П. Эфроимсона «Проблемы медицинской генетики» под его же редакцией и др.

При всей широте занимающих его проблем ясно прослеживается главная направленность: роль наследственных факторов в иммунитете человека, популяционная генетика человека, отбор как причина сбалансированного наследственного полиморфизма человека, генетика врожденных аномалий, генетика адаптаций и пр. Работа в Институте психиатрии увлекла Эфроимсона. Директор создал благоприятнейшие условия для разворачивания широких исследований. Появился аспирант, вернее – аспирантка, Татьяна Борисовна Глезерман, пришли новые сотрудники – врачи, для которых медицинская генетика стала призванием. В.П. Эфроимсон очень высоко оценивал организационные способности директора института Д.Д. Федотова.

«Он как-то под вечер зашел в мой кабинет и сказал, что проголодался, сел пить чай с булками. Зашел «треп за науку» и я без всякой задней мысли рассказал об одной проблеме, стоящей и молящей о разрешении. Д.Д. Федотов дожеввал бублик, допил чай и сказал: «Идемте».

«Куда?» – удивился я.

«Как куда? – в свою очередь удивился Д.Д. Федотов. – В бухгалтерию».

Ничего не понимая, я пошел за ним. Минут через 20 вопрос о финансировании экспедиции и даже о том, чтобы участников командировывать не сразу на три месяца, а помесечно, чтобы они получали не грошовые, а заметные командировочные, был решен. Экспедиция состоялась, едва ли не первая такого рода в СССР, и одним из результатов ее, помимо пары стоящих диссертаций, было появление нового важного принципа, заслуживающего имени первооткрывателя Л.Г. Калмыковой.

В 1971 г. мы раскрыли одну из важнейших загадок психиатрии, загадку шизофрении, с опережением Запада не менее, чем лет на 15, а может быть и более, потому что на Западе ее до сих пор не раскрыли. Значение этого открытия было признано крупнейшим психиатром Европы К. Леонгардом, но признание это пришло уже после ликвидации лаборатории. Л.Г. Калмыкова после долгой травли была, разумеется, растоптана. Но до ликвидации лаборатории она за 6–7 лет существования выпустила несколько монографий и сборников, залатавших одну из крупнейших зияющих брешей в советской науке.

Да останется не забытым в истории психиатрии имя Д.Д. Федотова, крупного организатора науки, проявившего доблесть и за это насмерть затравленного»⁴⁰.

В письмах к Раисе Львовне Берг В.П. Эфроимсон дважды возвращался к раскрытию загадки шизофрении и указывал на две «основные стоящие идеи: 1) локальность и топика поражения и 2) о существовании мутаций, независимо проявляющихся право- и левосторонне (Астауров, 1926). Применительно к шизофрении это значит, что возможность компенсации дефектов левого полушария правым и наоборот объясняет неизменно низкую пенетрантность шизофрении (например, у монозиготных близнецов) и постоянное наследование шизофрении через клинически здоровых передатчиков. Раздел заслуживает обстоятельного реферирования, тем более что намечена топика (локализация в мозгу) различных форм по Леонгарду и утверждается, что расширительное толкование шизофрении – софистика (что привело кое-кого в бешенство)».⁴¹

«Что касается книги «Генетика олигофрений, психозов и эпилепсий», то в ней может (и должна!) представить большой интерес глава «Шизофрения»; в главе решены фундаментальные загадки этой болезни: 1) почему она наследуется вроде бы и здорово, но оба родителя обычно здоровы, а болеют братья-сестры отца-матери или дедов-бабок; 2) почему так низка пенетрантность (генотип есть, а болезни нет); 3) какие именно участки мозга при какой форме поражены (конеч-

⁴⁰ Рукописные воспоминания. Хранится в архиве Е.А. Кешман.

⁴¹ Письмо Раисе Львовне Берг от 6 декабря 1983 г. Хранится в архиве Е.В. Кирпичниковой.

но, в будущем точки чрезвычайно размножатся); 4) почему по форме шизофрении у одного члена семьи не удастся предсказать форму у родича, даже однойцевое близнеца. Я безрезультатно ломал голову лет 8, а потом главную идею дал мой сотрудник-невропатолог.

Потом рукописи долго мытарались, но когда были сформулированы основные идеи, еще все считали, что при шизофрении никакой органики нет. Теперь есть масса работ, показывающих различные нарушения непосредственно в самом мозгу, например около желудочков (компьютерная томография, вживленные электроды) и ясно, что такие находки будут учащаться. Хорошо бы такое примечание добавить. И ведь любопытно то, что вторая главная идея (билатеральная асимметрия проявления мутаций) базируется на работе Б.Л. Астаурова (Дрозфила, 1926 г.!). Я был в Кольцовском институте и слышал доклад, запомнил, и через полвека очень даже пригодилось»⁴².

Лабораторию закрыли в 1976 г. В.П. Эфроимсон был отправлен на пенсию.

Спустя почти десять лет 11 февраля 1985 г. В.П. Эфроимсон пишет Р.Л. Берг:

«Мне очень больно и обидно, когда Вы пишете о моей знаменитости и славе. Какой вздор, ведь мне удалось реализовать менее, чем на 1 процент. Я начал, было, создавать школу, благо был один талантливый человек (его как раз сейчас, после двадцатилетней травли, дотаптывают окончательно). Но десять лет назад меня выкинули на пенсию, хоть я работал 10–14 часов в день без выходных, отпуск, да и то занимаясь делом, раз в 2–3 года. Год я был безработным... у меня дома громоздятся неизданные рукописи – серьезнее всего, ранее сделанного. А Вы меня попрекаете славой и знаменитостью. Да если не считать 2–3 лет, когда у меня был 1 аспирант, я 2–3 года беспрепятственно создавал лабораторию, а потом попал под мерзавцев, которые уже достигнутое ломали; надо было устраивать на ставки своих бездельников. Да я не ко двору...»⁴³.

В одном из писем к Е.Г. Макаровой В.П. Эфроимсон написал: «Какой-то греческий классик

(Геродот, кажется?) написал, что самое страшное несчастье для человека – знать очень многое и не иметь возможности что-либо сделать...»⁴⁴.

Но еще в 1954 г. он писал жене из лагеря:

«Знаешь ли, Микки, во мне совершенно отсутствовало какое-либо стремление к личному счастью. Сколько я себя помню, с юности, с детства меня грызло стремление сделать что-то подлинно большое, серьезное, а до этого, без этого все трын-трава, без этого я ни на что не имею права, все радости жизни, все блага, все удовольствия – гроша не стоят, не стоят времени, которое они занимают. Странно, ведь я безумно любил стихи, хорошие книги, умные мысли в любой области, театр, кино, музыку (ту, которую мог понять). Но каждоминутно я чувствовал, что еще ничего не сделано, а сделать можно, я могу додуматься, но вот – не получается. И сейчас объективно я чувствую, что мог. Ну, Микки, дело с интерсексуальностью носилось в воздухе и было открыто уже через полтора года после меня (Зейлером, ты помнишь, я тебе рассказывал). Да, пожалуй, и в Кольцовском доперлись бы, если бы не сессия. Но вот я в 32 г. додумался-таки и до измерения частоты мутаций у человека, и до закона равновесия, и до связи давления мутационного процесса с гетерозисом, и до того, главное, что эволюция у животных идет на основе дубликаций (а фактов исходных было так мало, ведь только спустя 2–3 года выяснилось, что дубликации есть в хроматине дрозофилы), и до роли соматических мутаций. Но вот вычеркнуто 3 года и бешенная жажда наверстать, добиться, все ведь в голове, три четверти не напечатано, а сколько проверить надо экспериментом, по литературе; а спустя еще полтора года опять годы вычеркнуты, а потом снова и снова карусель.

... И меня грызет и грызет неотступно сознание несделанного, несделанного, и стоит мне иметь свободную минуту, как это сознание хватает меня за горло, и мне надо всегда от этого грызущего сознания убежать»⁴⁵.

Мария Григорьевна Цубина умерла в 1979 г.

В том же году в журнале «Природа» поя-

⁴² Письмо Раисе Львовне Берг от 8 декабря 1984 г. Хранится в архиве Е.В. Кирпичниковой.

⁴³ Письмо Раисе Львовне Берг от 11 февраля 1985 г. Хранится в архиве Е.В. Кирпичниковой.

⁴⁴ Письмо Елене Григорьевне Макаровой (май 1985 г.). Хранится в архиве Е.Г. Макаровой.

⁴⁵ Письмо Марии Григорьевне Цубиной от 21 сентября 1954 г. Хранится в архиве Е.А. Кешман.

вилась статья В.П. Эфроимсона «К биохимической генетике интеллекта». После «ухода на пенсию» эта тема стала основной.

2 мая 1986 г. В.П. Эфроимсон пишет Р.Л. Берг: «По проблеме, посвященной интеллектуальной активности, стоит иметь в виду следующее: высокий уровень уратов определяется дефектом выделения их почками. Этот дефект не «ферментный», а «белковый», т. е. вызван нарушением структуры какого-либо белка, а потому наследуется доминантно (сколько таких белков и сколько разных мутаций, ведает один Аллах). Важно то, что половина сыновей подагрика, в настоящее время еще молодых, должны обладать этим стимулятором и передать его половине своих сыновей. Следовательно, идя этим путем, можно еще в колыбели предсказать вероятность наличия стимулятора (50 %). Конечно, без способностей никакой стимулятор особенно не поможет, но нужен коэффициент интеллекта только в пределах 110–120 (конечно, более высокий тоже неплох). Дело в том, что этот коэффициент – средний из множества способностей, но ведь индивид может выбрать ту область деятельности, к которой у него есть предрасположение...»⁴⁶.

30 октября 1986 г. он пишет Р.Л. Берг:

«Хочу поделиться с Вами некоторыми удручающими мыслями. Хочу приложить и пару бумажек для сведения. Все эти годы я работал, года с 1976, когда меня выставили, по 10–12 часов в день, постепенно съезжая на 10-часовой, затем на 8-часовой. Сначала без выходных, затем лет 5 назад пришлось завести один выходной, в будни или воскресенье, теперь съехал на 7-часовой, да еще с двумя выходными. К счастью, в 1977 г. меня взяли на полставки консультанта в ИБР (Астауровский), потом, как всех консультантов, перевели (при сокращении) на четверть ставки, и это, при наличии пенсии, давало мне возможность оплачивать машинистку, так что у меня дом завален рукописями. Теперь у меня основная рукопись – около 1000 стр., в ней, помимо таблицы на 64 групповых биографий, появилась еще дополнительная, на 85 групповых биографий, с существенно теми же результатами. Кроме того, у меня большая,

страниц на 600 рукопись по эволюционной генетике этической восприимчивости, с небольшой главкой об эволюционном происхождении эстетической восприимчивости, которую вынужден был свести к минимуму, потому что я в эстетике был, есть и навсегда (т. е. уже ненадолго) останусь дубина дубиной. Кроме того, по смежным темам, страниц 500, и меня судьба этого крайне тревожит. Из пары бумажек Вы увидите, какие возникают шлагбаумы. Ухлопал меня окончательно один – яблоковский. Он – член-кор, причем никакой не паразит, а автор нескольких книг, частично-соавторских с Тимофеевым-Ресовским, а написал сущую ерунду – требует от меня именно такого подхода, на котором у меня все именно и строится: объективного выделения признанно-даровитых. Когда я дал прочесть яблоковский отзыв Корочкину, тот возопил – да Яблоков не читал Вашей рукописи!! Дудки, именно что читал (он, кстати, в экспертной комиссии Ин-та, а там уже тоже зарезал 1000-страничный вариант «Гениальности» под предлогом: «Надо дать товарный вид»). Как будто в этом дело? Я уже полдюжины вариантов товарного вида имею, именно на это и тратя всю свою зарплату, жить-то умею скромнее скромного. Но до чего сразу все понимают «как надо»⁴⁷.

Вот этот отзыв:

«О рукописи В.П. Эфроимсона

Я внимательно ознакомился с текстом депонированной сводки проф. В.П. Эфроимсона и просмотрел расширенный рукописный вариант. Общее впечатление противоречивое. С одной стороны, работа насыщена интереснейшим историческим материалом, читается с неослабевающим интересом. Биографические очерки отдельных личностей, вся историческая канва – все это представляет несомненный самостоятельный интерес. С другой стороны, основная концепция автора – о связи определенных синдромов с выдающимся развитием интеллекта, – не выдерживает критики, поскольку, на мой взгляд, в подборе примеров отсутствует непредвзятый подход. Складывается определенное впечатление, что автор, находя определенные синдромы у исторических личностей, немедленно причисляет их к высоко-

⁴⁶ Письмо Раисе Львовне Берг от 2 мая 1986 г. Хранится в архиве Е.В. Кирпичниковой.

⁴⁷ Письмо Раисе Львовне Берг от 30 октября 1986 г. Хранится в архиве Е.В. Кирпичниковой.

интеллектуальной группе (даже в том случае, если никаких явных проявлений выдающегося интеллекта у них и не обнаружено, остается «неопровержимый» аргумент о том, что такой интеллект был у них в скрытом виде). Такой подход необъективен.

Объективным был бы другой подход: подобрать сначала безусловно талантливых, интеллектуально выдающихся лиц в истории (сделав это вне всякой связи с их синдромами, на основании каких-то объективных показателей – это, конечно, само по себе крайне трудно, но наверное на экспертной основе возможно) и лишь после этого рассмотреть наличие у них тех или иных синдромов.

11 ноября 1985 г. А.В. Яблоков⁴⁸.

Раиса Львовна отвечает:

«Очень хорошо, что прислали его отзыв. Я собиралась как раз написать в предисловии о Ваших безукоризненных методах и теперь все так хорошо сформулировано Яблоковым, что написать очень легко. Вы делали то самое, относительно чего он пишет, что надо было делать, и чего, по его негодяйскому утверждению, Вы не делали. Я сейчас всецело погружаюсь в работу над Вашей книгой»⁴⁹.

И действительно, своих «гениев» В.П. Эфроимсон находил именно среди отобранных «экспертами» сводок, в которые в разных странах, конечно, попадали разные личности, однако костяк из 300–400 оставался неизменным.

Все три книги – «Генетика гениальности»⁵⁰, «Педагогическая генетика»⁵¹, «Генетика этики и эстетики»⁵² – опубликованы уже после смерти Владимира Павловича.

Но одна книга Эфроимсона до сих пор не напечатана. Она написана в 1980 г. Назвал он ее так: «Армагеддон. О том, что не помнят; о том,

1985 г.

чего не знают; о том, о чем боятся говорить; о том, что делать»⁵³.

Из предисловия к «Армагеддону»: «У каждого специалиста существует потребность отдавать максимум своих сил той области, в которой он, именно он может больше всего сделать. Но если после долгих попыток пробиться сквозь стены он осознает невозможность преодолеть Систему, то он невольно возвращается к тому, откуда эта Система возникла. В чем ее сущность, к чему она ведет. И тогда все, что он знает, невольно приобретает целостность, и нужен лишь небольшой толчок для того, чтобы свое знание Системы изложить»... Систему, сложившуюся в СССР, он охарактеризовал так: «Эта система, приведшая к определенным принципам социального отбора, когда на вершину социальной лестницы пробираются наименее честные, наименее думающие, наиболее послушные люди, а одаренные, талантливые, ищущие, неконформные личности отпадают безжалостно на самых ранних этапах, на самых первых стадиях отбора». Удивительно, как эти слова перекликаются с теми, которые были написаны в протоколах допросов в 1932 г.

⁴⁸ Машинописный текст. Хранится в архиве Е.А. Кешман.

⁴⁹ Письмо Раисы Львовны Берг от 11 ноября 1986 г. Хранится в архиве Е.А. Кешман.

⁵⁰ Эфроимсон В.П. Генетика гениальности. М.: Тайдекс Ко, 2002. 376 с. (Библиотека журнала «Экология и жизнь». Серия «Устройство мира»).

⁵¹ Эфроимсон В.П. Педагогическая генетика. Родословная альтруизма. М.: Тайдекс Ко, 2003. с. (Библиотека журнала «Экология и жизнь». Серия «Устройство мира»).

⁵² Эфроимсон В.П. Генетика этики и эстетики. М.: Тайдекс Ко, 2004. 304 с. (Библиотека журнала «Экология и жизнь». Серия «Устройство мира»).

⁵³ В архиве Е.А. Кешман.

В своей знаменитой статье «Родословная альтруизма»⁵⁴ еще в 1971 г. он писал: «История показывает, что идеология, противоречащая человеческой совести, для своего поддержания нуждается в таком мощном чиновничье-шпионско-полицейско-военном аппарате подавления и дезинформации, при котором очень затруднен подлинный накал свободной коллективной мысли, необходимой для самостоятельного прогресса...

Специфика эволюционного развития человечества такова, что естественный отбор был в очень большой степени направлен на развитие самоотверженности, альтруизма, коллективизма, жертвенности. Эгоизм очень способствует выживанию индивида... Но род, не обладавший биологическими основами мощных инстинктов коллективной защиты потомства и всей группы, обрекался на вымирание, на истребление групповым отбором...

Фундаментальное значение для судеб народа приобретает вопрос о том, по каким же индивидуальным особенностям идет социальный отбор, то есть отбор в группы, концентрирующие в своих руках социально-экономическое могущество, в чем бы оно ни выражалось – в земельных ли владениях, во владениях ли средствами производства, деньгами, печатью, кино, радио, телевидением, государственной властью и возможностью ее распределения, возможностью устанавливать ценностные критерии для подвластных масс. Огромную роль играет специфика социального отбора, социального подъема, продвижения вверх по имущественной, иерархической, кастовой, классовой лестнице, передававшей власть в руки вовсе не наиболее достойным людям, стремящимся утвердить в обществе доброе начало. Наоборот, социальный отбор постоянно поднимал на верхи пусть и энергичную, но прежде всего наиболее власто-

любивую, жадную, бессовестную прослойку человечества»...

И там же он привел высказывание Ш. Монтескье из его знаменитой книги «О духе законов»: «Принцип государства деспотического беспрерывно разлагается, потому что он порочен по своей природе. Другие государства гибнут вследствие особых обстоятельств, нарушающих их принципы; это же погибает вследствие своего внутреннего порока».

На последних страницах «Генетики гениальности» В.П. Эфроимсон пишет:

«Мы верим в большие возможности человека и в устранимость нынешних ограничений и жалких фрустраций нашей жизни. Мы верим в то, что человеческая жизнь, знакомая нам по истории, – это жалкий суррогат, коренящийся в невежестве. Мы верим в то, что знание и понимание могут возвысить человека настолько же, насколько наше нынешнее управление природой превосходит беспомощность наших предков.

Для того, чтобы истинно возвысить жизнь человека, нужно создавать более благоприятную социальную среду. Нужно начать с новых предпосылок, например, с того, что красота – радостная и гордая – необходима, что радость познания истины может являться самоцелью, что наиболее полное удовлетворение человека своей жизнью, его счастье коренятся в глубине и цельности внутренней жизни человека»⁵⁵.

Таковым было кредо генетика Эфроимсона.

«Человек разумный – это человек этичный, – говорил Владимир Павлович Эфроимсон. – А этика для разумного человека строится на самом простом принципе: я для людей, а не люди для меня». Это и есть категорический императив Эфроимсона.

Умер Владимир Павлович 21 июля 1989 г., в Москве. Похоронен в семейной могиле на Донском кладбище.

⁵⁴ «Новый мир», 1971. № 10. С. 193–213.

⁵⁵ Эфроимсон В.П. Генетика гениальности. С. 361.